

Двугривенный (Гатцук)

Бывали-живали в селе два богача: Иван, по прозванию Тугой Карман, и Фома Большая Крома, да нравные оба, упрямые такие — просто беда. Иван любил займы брать — хоть у него и своих денег куры не клевали, — а отдавать страх не любил. А Фома охоч был перед людьми величаться, займы давать — только чтоб долг ему непременно в срок отдавали.

Раз идут они вместе по улице и попадается им нищий, старый старичок: «Подайте, — просит, — православные, Христа ради!» Фома Большая Крома, чтоб пред Иваном Тугим Карманом повеличаться, вынул гривенник и подал старику. Иван говорит: «Эх, сват, подал бы и я убогому, да мелких нет; дай-ка займы до завтра двугривенный». Дал ему Фома двугривенный займы до другого дня.

Наутро приходит Фома к должнику за двугривенным. Иван давай хлопотать: «Эй, — кричит, — жена! Что в печи, все на стол мечи! Гостя дорогого угощаю». Наставил всего, угощает, слова Фоме о долге сказать не даст. Отлично угостил — может, не один целковый угощение стоило, — проводил гостя с почетом. Так Фоме о двугривенном и заикнуться не удалось.

Еще дня через три пришел Фома за долгом, — опять та же история: угощает его Иван, хлопочет, все от разговора о двугривенном отводит. Наконец, Фома уллучил время. «Что же должок-то, — говорит, — отдашь что ли, сват?» — «Ох, сватушка, никак сейчас не могу: копейки в доме мелкой нет».

Ходил-ходил Фома за долгом — не отдает Иван двугривенного: все мелочи нет. Надоело это Фоме, хоть и угощает его должник отлично. Получу же, думает, долг! «Вижу я, сват, что мелкими ты очень беден, — говорит, — завтра приду принесу мелочи на сто рублей — со всякой, значит, бумажки у меня сдача будет». А Иван Тугой Карман говорит себе: «Ладно, хоть ты что хочешь делай — не отдам двугривенного».

На другой день встречает Фому Иванова жена. «Ох, — плачет, — сватушка! Горе-то у меня какое: ведь муж сейчас помер». Ишь ты, думает Фома, на какие штуки пускается, чтоб двугривенный зажилить!.. «Жаль приятеля, — говорит. — Ну, давай, я за мои деньги послужу ему, хоть грешное тело его обмою». Схватил чугунок с горячей водой и давай свата ошпаривать. Иван насилу терпит, а все лежит, только морщится да ногами дрыгает. «Дрыгай, не дрыгай, а двугривенный мне отдашь», — говорит Фома. Обмыл свата, снарядил как надо.

«Ну, хозяйка, — говорит, — надо покойника в церковь несть, я по нем буду псалтырь читать». Снесли Ивана в церковь, поставили. Фома читал псалтырь, читал, надоело ему — он и лег в уголке.

Ночью идут мимо церкви воры-разбойники; увидали, что церковь не заперта, и зашли в нее, чтобы добычу между собой разделить — только что они богатого генерала обворовали. Все разделили, осталась одна сабля, вся золотом с самоцветными камнями обложенная. И завели воры между собою спор, шум, крик подняли. Фома проснулся, услышал, что в церкви делается, как вскочит да закричит: «Чего спорите? Кто мертвого, что здесь лежит, сразу пополам разрубит — того и сабля!» Батюшки!.. Какой переполох пошел: Иван испугался, что его рубить будут, вскочил; разбойники и Фомы-то перепугались, а уж как Иван вскочил, так совсем от страха чуть живы — и кинулись бежать со всех ног.

«А, ожил, сват! — говорит Фома. — Ну-ка, давай посмотрим, что нам воры оставили?» Смотрят, а на полу куча золота, серебра — вся воровская добыча... Сели около нее Фома с Иваном и давай делить. Разделили. «Ну, сват, отдавай теперь двугривенный», — говорит Фома. А Иван Тугой Карман заприметил, что один из воров подкрался к окну и заглядывает, чтоб узнать, кто это их испугал... Как заревет Иван страшным голосом и кинулся на разбойника. Тот бежать, только шапка его у Ивана осталась.

«На, сват, шапку за двугривенный, — говорит Иван Фоме. — Пусть не по-твоему и не по-моему будет. А все-таки денег-то я тебе не отдал!..»